

Глава 1

В комнате царило странное, гнетущее безмолвие.

Просторная гостиная, выдержанная в строгом традиционном японском стиле, казалась тесной из-за собравшихся здесь людей. Семеро или восьмеро взрослых стояли неподвижно, не проронив ни звука. Эта тишина давила на плечи, удушая своей неестественностью.

Присутствующие разделились на два отчетливых лагеря. По одну сторону выстроились трое мужчин в строгих накидках-хаори; на их холеных лицах читалось надменное превосходство. По другую — замерли несколько человек в штатском с кобурами на поясах, чьи хмурые взгляды выдавали глубокую озабоченность.

Сейчас и те, и другие затаив дыхание следили за немолодым мужчиной, который деловито суетился над лежащим на полу женским телом, осматривая его со всех сторон.

Этот человек в темно-синем костюме щеголял аккуратными щеточками усов. Вперив пристальный взгляд в багрово-синие следы на шее покойной, он так сурово сдвинул брови, словно в его голове в эту самую секунду совершалась титаническая мыслительная работа.

Наконец он резко выпрямился.

— Всё ясно! — взбудораженно воскликнул усач и, вытянув руку, ткнул указательным пальцем в сторону самого пожилого мужчины в комнате. — Убийца — это вы!

— Дерзость!

— Чушь несусветная! — в один голос отозвались двое молодых людей в хаори, заслоняя старика.

Лицо самого старца гневно потемнело.

Кругленький, затянутый в плотный плащ инспектор поспешил вмешаться, привычно сглаживая углы:

— Господа, прошу вас, не горячитесь! Перед вами господин Когоро Мори, знаменитый частный детектив из квартала Бэйка. На его счету десятки раскрытых дел, в которых он оказал неоценимую помощь полиции. Давайте выслушаем его доводы.

— Перед нами хладнокровное убийство, — безапелляционно заявил Мори, приосанившись. — Характерные кровоподтеки на шее жертвы указывают на то, что несчастную задушили сзади. А вот у этого почтенного господина... — Он наставил палец на правую ладонь старика. — ...на

руке красуются свежие ссадины. Очевидно, они остались от натяжения веревки, которой вы лишали жизни беззащитную девушку. Стало быть, убийца — вы!

— Что за бред ты несешь?! — вскипел короткостриженный юноша в хаори.

— Ага! Занервничал, когда прижали к ногтю? — на лице Мори проступило самодовольное торжество.

— Старейшина поранил руку сегодня утром во время тренировки на мечах, — поспешно вмешался второй молодой человек, у которого были длинные волосы.

— Вот как? — Когоро поскреб подбородок, задумался на мгновение и тут же перенаправил палец на короткостриженного: — Значит, это сделал ты!

— Что?! Ты совсем из ума выжил?! — парень опешил от такой наглости.

Старейшина окончательно потерял терпение.

— И это ваш хваленый сыщик? — глухо спросил он. — Инспектор Мэгурэ, вы решили посмеяться над кланом Годжо?

Мэгурэ поспешно поправил шляпу, вытирая испарину со лба:

— Ну что вы, как можно! Вышло досадное недоразумение. Наш дорогой Мори — мастер своего дела, просто... гм, у него весьма специфическое чувство юмора. Любит, знаете ли, разрядить обстановку шуткой... Ха-ха, ха...

— Шуточки? — холодно процедил длинноволосый. — Кажется, вы плохо понимаете, где находитесь. Поместье Годжо — неподходящее место для паясничества.

В комнате поднялся гомон. Пока взрослые шумной толпой выясняли отношения, никто не заметил, как за порог проскользнул маленький мальчик в очках в черной роговой оправе. Ростом он едва доставал до бедра взрослого человека.

Юркий, точно ящерица, он бесшумно обогнул тело погибшей, а затем принялся исследовать комнату. Он заглядывал в углы и прощупывал взглядом вещи, и в его глазах то и дело вспыхивали не по-детски острые, проницательные искры.

«Странно. Всё это чертовски странно»

Тем временем Когоро Мори с прежним пылом принялся обличать уже третьего

подозреваемого. Мальчик скептически сощурился, покачав головой, и привычным, отточенным движением вскинул левую руку, целясь циферблатом часов в шею детектива.

— Истинный преступник... это... это... — Голос Мори внезапно осекся. Детектив пошатнулся, нелепо завалился набок и замер, подперев плечом туалетный столик.

Резкая перемена привлекла всеобщее внимание. Но не успели присутствующие удивиться его странной позе, как Мори заговорил вновь — теперь его голос звучал ровно, глубоко и уверенно:

— Я докопался до истины. На самом деле эта госпожа покончила с собой.

Не дав свидетелям опомниться, он размеренно изложил цепочку умозаключений:

— Во-первых, по свидетельству двух слуг, охранявших внутренний двор, сегодня в покои никто не входил и никто их не покидал. Следов взлома на дверях и окнах также не обнаружено. Во-вторых, странгуляционная борозда на шее жертвы имеет замкнутый характер, а на потолочной балке видны свежие потертости. Всё указывает на то, что несчастная повесилась. После того как наступила смерть, веревка под тяжестью тела лопнула, и труп упал на пол.

— Но позвольте, Мори-кун! — тут же подал голос Мэгурэ. — Куда же делась сама веревка?

— Обрывок канатика при падении отлетел в сторону и угодил прямиком в напольную вазу у стола.

Полицейские бросились проверять слова сыщика и действительно извлекли из узкого горлышка фаянсового сосуда разорванную петлю.

— Потрясающе! — искренне восхитился инспектор. — В очередной раз снимаю шляпу перед великим Спящим Когоро!

— И в-третьих! — настойчиво продолжил голос из-за туалетного столика. — На пальцах правой руки покойной остались следы туши. Весьма вероятно, что перед смертью она написала прощальное письмо. Точно такие же черные пятна виднеются на обложке книги «Исповедь неполноценного человека», что лежит на столике. Полагаю, предсмертная записка спрятана именно там, между страниц.

Отыскав это письмо, они наконец поймут, что толкнуло молодую женщину на столь отчаянный шаг.

Спрятавшись за спиной онемевшего Мори, маленький детектив лихорадочно сопоставлял факты. Само происшествие не отличалось сложностью, разгадка лежала на поверхности. Однако истинная тайна крылась в мотивах.

С той самой секунды, как они переступили порог этого дышащего вековой затхлостью поместья, мальчика не покидало гнетущее чувство опасности — волосы на затылке так и вставали дыбом.

С чего бы юной красавице из знатного рода сводить счеты с жизнью? За этой трагедией явно скрывались мрачные тайны древнего и могущественного клана.

Вдруг стекло его очков тускло блеснуло. Присев у пола, он заметил на ковре едва различимый след.

«Это еще что?.. Собачья шерсть?»

Молодой криминалист уже протянул руку к лежавшему на столе томику Дадзая, но длинноволосый мужчина из клана Годжо бесцеремонно перехватил его запястье.

— Что это значит? — нахмурился инспектор Мэгурэ.

Старейшина ответил ледяным тоном:

— Инспектор, раз факт самоубийства установлен, полиции здесь больше делать нечего. Мы разберемся с этим сами. Вы свободны.

— Но мы еще не выяснили мотивы! — возмутился молодой оперативник.

— Если у вашего ведомства возникнут вопросы, я могу обсудить их лично с суперинтендантом Хакубой, — старик смерил полицейских испепеляющим взглядом, в котором сквозила неприкрытая угроза. — Нам нужно готовиться к погребению. Провожать не стану.

Мэгурэ на мгновение задумался, взвешивая риски, и решил отступить. Спорить с влиятельным кланом, способным одним звонком лишить его должности, было себе дороже.

В этот момент Мори, до того неподвижно подпиравший столик, зашевелился. Потирая затекшую шею, он сдавленно замычал и, еще не до конца придя в себя, позволил коллегам увлечь себя к выходу.

Маленький детектив поспешил следом.

«Время действия транквилизатора снова сократилось. Видимо, у него вырабатывается резистентность. В следующий раз придется увеличить дозу»

Что же касается этой трагедии...

У самых ворот он обернулся. Сердце предательски сжалось: древнее, величественное поместье в сумерках казалось затаившимся чудовищем, безмолвно оскалившим пасть.

— Искать! Вывернуть всё наизнанку, но найти паршивца! — в главном зале усадьбы бушевал нынешний глава клана Годжо, Сэйтё. — Кто посмел вызвать полицию?! Неслыханное нахальство!

Ниндзабуро Годжо — тот самый старейшина, который только что высокомерно выставлял за дверь сыщиков, теперь стоял перед главой, покорно склонив голову.

Ниндзабуро прекрасно понимал причину этого бешеного гнева.

Разумеется, главу взбесила вовсе не гибель кухни, которая должна была на днях выйти замуж. Подобные инциденты среди Трёх великих кланов удивления не вызывали. Каждые несколько лет то одна, то другая девица из благородных семей выкидывала нечто подобное: они бежали, сходили с ума, накладывали на себя руки. Семейный позор средней руки — не более. Обычно дело заминали, объявляя о безвременной кончине от внезапного недуга, и благополучно забывали.

Но визит полиции... Такого позора Три великих клана не знали за всю свою многовековую историю.

Для магов-заклинателей обычные люди всегда оставались лишь пылью под ногами. И то, что сегодня ничтожные обыватели посмели явиться в цитадель одного из величайших семейств, разнюхивать и задавать вопросы, выставляя сор из избы на всеобщее обозрение — это был несмываемый позор.

Другие кланы растащат эту новость на издевки и сплетни. А ведь сейчас для Годжо наступили решающие времена.

Ниндзабуро сделал осторожный шаг вперед:

— Глава, наши информаторы в полицейском управлении докладывают, что звонок совершил ребенок. Голос по телефону звучал как детский.

— Ребенок... — лицо Сэйтё потемнело еще сильнее. — Проверить всех. И слуг, и членов побочных ветвей. Любого мальчишку в поместье подвергнуть допросу.

Ниндзабуро заколебался:

— Но... как быть с Божественным дитя?

Сэйтё резко вскинул руку:

— Сатору не смей беспокоить. Его это не касается.

Старейшина склонил голову, но уходить не торопился.

Сэйтё прищурился:

— Что еще, Ниндзабуро?

Ниндзабуро Годжо заговорил негромко, взвешивая каждое слово:

— Глава, в следующем месяце день рождения Божественного дитя. Этот праздник имеет колоссальное значение для всего нашего клана. То, что несчастье произошло именно сейчас, наводит на нехорошие мысли. Я боюсь, что это спланированная акция...

Договаривать не требовалось. Сэйтё, искушенный в интригах магического мира, уже успел прокрутить в голове с десятков возможных заговоров конкурентов.

После тяжелого молчания глава произнес:

— Усилить охрану поместья. Особенно личные покои Сатору. Постарайтесь сделать так, чтобы в ближайшие недели он поменьше выходил наружу.

— Слушаюсь.

Покинув главу, Ниндзабуро со свойственной ему методичностью принялся раздавать указания.

Тело покойной унесли для погребения; вассалам и слугам объявили, что молодая госпожа скоропостижно скончалась от внезапной горячки. Патрули на территории усадьбы были удвоены.

Уже уходя из комнаты покойной, Ниндзабуро вдруг заметил оставленный на столике томик Дадзая. Брезгливо подцепив книгу за корешок, он швырнул ее подбежавшей служанке.

— Сжечь. И чтобы пепла не осталось, — бросил он на ходу.

Служанка в бледно-желтом кимоно скользила по бесконечным деревянным галереям поместья.

Она казалась совершенно неприметной — как, впрочем, и весь обслуживающий персонал в этом доме. Слуги здесь походили на безликие тени: вечно опущенные головы, покорно сгорбленные плечи. Даже в неудобной традиционной одежде и деревянных сандалиях-гэта они умудрялись передвигаться стремительно и бесшумно, словно призраки, беспрекословно соблюдающие строжайший этикет.

У прислуги не было фамилий. Рожденные в побочных ветвях шаманских династий, они были обделены проклятой энергией и признаны никчемными. Такие отбросы не имели права носить великое имя рода.

И все же у этой девушки было имя. Очень нежное и красивое.

Хуа Лин.

Придя на кухню, она собиралась швырнуть томик в растопленный очаг, как вдруг из-под обложки на пол скользнул аккуратно сложенный лист бумаги.

Хуа Лин замерла. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что в помещении никого нет, она за секунду приняла решение. Скрыв движение широким рукавом кимоно, девушка плавно и естественно спрятала находку на груди. Движение вышло настолько непринужденным, словно она всего лишь поправила пояс.

После этого она без тени сомнения отправила книгу в огонь и заворуженно наблюдала, как пламя пожирает чужие печатные строки.

Лишь глубокой ночью, закончив бесконечную работу и вернувшись в свою крохотную каморку, она позволила себе развернуть послание.

Изящные, тонкие иероглифы хранили последнее откровение погибшей девушки:

«Матушка, прости меня. Если мне суждено переродиться, я бы хотела стать самой обычной девочкой»

Всего пара строчек, но сколько в них было неизбывной, разрывающей сердце тоски.

Хуа Лин прекрасно знала, почему та решилась на смерть. Несчастной едва исполнилось восемнадцать, а ее уже сосватали за главу клана Дзэнин в качестве седьмой жены. Жениху пошел шестьдесят шестой год, но старик всё еще одержим был идеей зачать очередного наследника с сильной кровью.

Она забрала это письмо без какого-либо умысла. Просто подумала: раз человек перед смертью доверил бумаге свои чувства, кто-то должен был их узнать. Сжечь последние слова, обрекая их на вечное забвение, казалось ей непростительной жестокостью.

Немного погрузив, Хуа Лин быстро взяла себя в руки. На небосвод выползала бледная луна — пора было выдвигаться. Ночью у нее были дела поважнее чужих излияний.

Совершив омовение и воскурив благовония, девушка распустила волосы, накинула легкое хлопковое юката и бесшумно выскользнула в заброшенный, заросший сорняками сад на окраине поместья.

Без строгого, старящего ее глухого кимоно становилось ясно, насколько она еще юна — на вид ей нельзя было дать больше четырнадцати.

Хуа Лин подошла к полуразрушенной каменной статуе пса-стража в углу двора. За постаментом лежал чисто вылизанный глиняный диск.

«Всё съел!» — на лице девочки расцвела счастливая, искренняя улыбка, вернувшая ей детское очарование.

Она бережно достала припрятанные сладости, стащив их вечером из кухни, и выложила на тарелку.

Опустившись на колени перед подношением, она благоговейно сложила ладони перед грудью. Ее шепот был полон истовой веры:

— О Великий Бог-собака... Прошу, примите мою скромную дань еще раз. Лишь благодаря вашему незримому покровительству я до сих пор жива и невредима в этом страшном доме. Любая ваша воля для меня священна, я исполню ее, даже если придется пройти сквозь пламя.

Она на миг замялась, а затем добавила еще тише:

— И если это в ваших силах... прошу, благословите душу той несчастной госпожи. Пусть в следующей жизни она никогда не узнает этого кошмара.

Девочка замолчала, прислушиваясь к ночному шороху листвы. Вдруг ее глаза расширились от восторга:

— Неужели?! О, спасибо вам, Бог-собака! Благодарю вас... Да... Да, я все поняла. Будет исполнено.

В заброшенном саду не было ни души. Вокруг царило лишь глухое безмолвие холодной ночи,

но по лицу Хуа Лин, отражавшему то благоговейный трепет, то радостное возбуждение, можно было поклясться: прямо сейчас из темноты с ней разговаривало нечто невидимое и жуткое.

<http://bllate.org/book/19550/1944050>